

Илмаринен и Антикайнен. Депутат Калевалы.

Геннадий Фиш

Идет снег. Мягкий, мохнатый. Темные сучья облетевших деревьев сквера, покрытые сверху снегом, снизу кажутся еще чернее. Белой мягкой ложится снег на бронзу высокого памятника, на непокрытую голову слепого старика, поющего руны; на Элиас Лёнрота, скромного лекаря из Каяни, который прославил себя, написав эти руны; на статую девушки, олицетворяющей молодую Финляндию.

Сидя у ног Лёнрота, она вслушивается и запоминает руны «Калевалы», бессмертного эпоса карельского и финского народов.

«Когда я первый раз пришел к нему, — писал в «Современнике» Белинского русский ученый Я. Грот, — он сидел, ж длинном сюртуке, пред небольшим столиком, где лежало несколько тетрадей, мелко исписанных... Ему тридцать восемь лет, из которых более десяти последних проведены им почти в непрерывном пешеходном странствовании. Я нашел в нем человека среднего роста, с крепким телосложением, не полного и не худощавого, с лицом смуглым и отчасти багровым, с огненными черными глазами, с добродушной улыбкой, с приемами не совсем ловкими». Грот ничего не сказал ни о высоких болотных сапогах, без которых были бы немислимы странствования Лёнрота, ни о том, что он походил на крестьянина, — в этом дворянин Грот не находил ничего примечательного. Но вот именно таким — мужиковатым, стриженным под скобку, в высоких болотных сапогах, в длиннополом сюртуке — и сидит Лёнрот на камне в центре Хельсинки, внимая пению слепого старика, в котором каждый узнает Архипа Перттунена, старого карела из Ладв-озера.

На открытии Декады карельской литературы в Москве в Центральном доме литераторов я слышал, как статная, несмотря на свои восемьдесят лет, еще полная сил — ее с трибуны отлично было слышно и без микрофона, — Татьяна Алексеевна Перттунен исполняла не только старые руны, но и новую, сложенную ею:

Я в Карелии родилась
В маленькой своей избушке,
В волости Вокнаволоксской,
А в деревне Ладвозерской,
Родом я из Перттуненов.....

Старая сказительница с гордостью произносила названия родных деревень. Эти деревни, просторные избы которых срублены на скалистых берегах озер, раскинувшихся среди безбрежных лесов, прославлены тем, что здесь сохранились и приумножались песни, сказания, руны — замечательная

поэзия карелов и финнов. От слепого рыбака Архипа Перттунена, прадеда Татьяны Перттунен, Элиас Лёнрот, «финский Гомер», записал лучшие руны, которые стали первоосновой «Калевалы». Слава рода Перттуненов не иссякает. Она и в песенной традиции, бережно хранимой, и в ударном труде знаменитых здесь Перттуненов — сплавщиков, лесорубов, доярок. И вот сейчас, в Хельсинки, стоя под медленно падающим снегом перед изваянием Лёнрота, вглядываясь в лицо старика рунопевца, которому внимают и Лёнрот и молодая Суоми, я вспоминал о встречах своих с его правнуком, товарищем Перттуненом.

Познакомились мы в дни мира, когда он был председателем колхоза в Ухте, в районе Калевалы. Встречался я с ним и потом, в те дни, когда война опалила своим огнем вековые леса Советской Карелии.

Вместе с друзьями колхозниками и лесорубами он встал на защиту родной земли. В те грозные дни Перттунен был комиссаром партизанского отряда, действовавшего в районе Калевалы. Встретились мы с ним в этом отряде, в лесу, неподалеку от прославленной сосны, под которой, по народному преданию, Элиас Лёнрот записывал руны.

Об этой сосне народ слагал легенды.

Под ней и теперь старики сказители поют молодежи новые руны.

На скалистом берегу озера Куйто в суровые дни войны, когда вблизи рвались снаряды, эту сосну бережно охраняли воины Карельского фронта и лесорубы, ставшие партизанами.

И сейчас в Хельсинки, глядя на бронзового рунопевца, я вспоминал о встречах с живыми правнуками его — Василием Перттуненом, комиссаром отряда красных партизан, сказительницей Татьяной Алексеевной и Тойво Антиканеном, который в народных песнях стал вровень с героями «Калевалы».

* * *

Во время «карельской авантюры» в 1921—1922 годах белогвардейцы пытались использовать популярность «Калевалы» для своих целей.

Седобородый ухтинский торговец, назначенный председателем белого ухтинского «правительства», именовался Вяйнямёйненом. А командовавший белогвардейцами, вторгшимися на советскую территорию, поручик Таккинен подписывал свои приказы: «Илмаринен».

Но маскарад не помог.

Картонажное правительство бежало.

После разгрома штаба белых в Кимас-озере поручик Таккинен-Илмаринен, наострив лыжи, с трудом спас свою жизнь.

И что знаменательно: разгромили штаб Таккинена финские коммунисты — лыжники, которые проделали легендарный рейд под командой Тойво Антикайнена.

— Мы сражались тогда за честь финского народа с теми, кто ее позорил. Мы выполнили свой интернациональный долг пролетарских революционеров, — сказал мне за несколько дней до своей гибели Тойжо Антикайнен.

Сражались они в тех краях, где и сейчас поют руны «Калевалы». Есть среди них и такие, которые рассказывают, как герой «Калевалы» Илмаринен после подвигов, совершенных в борьбе за Сампо, отправляется на защиту Сталинграда, а затем — ведь он кузнец — кует тракторы для крестьян.

В некоторых недавно записанных рунах имя кузнеца Илмаринена называется рядом с именем Тойжо Антикайнена.

Народ не обмануло переодевание торговца-кулака и поручика в Вяйнямёйнена и Илмаринена. Духу эпоса, рожденного доклассовым обществом, ближе был подвиг Тойво Антикайнена — героя, боровшегося за общество, в котором не будет классов.

И мне думается — есть внутренний смысл в том, что на первых же выборах в Верховный Совет депутатом от избирательного округа Калевалы стал Тойво Антикайнен — командир лыжного батальона Интернациональной военной школы.

* * *

Лыжный рейд Интернациональной военной школы.

О нем я ничего не знал до 1931 года, до того времени, когда с бригадой писателей поехал в творческую командировку в Карелию.

В бригаде этой были Борис Лавренев, Виссарион Саянов, Сергей Спасский, Георгий Шилин и я.

Нам хотелось как можно глубже вникнуть в жизнь современной Карелии.

Мы бывали у лесорубов и в реконструированных цехах старинного онежского завода в Петрозаводске, на еще не завершённой тогда стройке Кондопожского бумажного комбината, в каменоломнях Шокши и у рыбаков Беломорья. Слушали в Ухте старух, певших руны «Калевалы» и старинные былины заонежских сказителей. Но стоило только немного «копнуть» совсем недавнее прошлое, как перед нами вставала героическая история революции и гражданской войны на Севере.

Мы встречались с живыми свидетелями этих событий. Секретарь обкома Густав Ровио не так давно (с тех пор прошло всего тринадцать лет) в Хельсинки прятал Ленина от ищеек Временного правительства. Наш скромный и тихий переводчик — знаменитый Гуго Ялава, машинист паровоза, на ко-

тором Ленин пересек границу. Секретарь Карельского ЦИКа Хейконен в лыжном рейде Антикайнена командовал первой ротой.

Заведующий издательством «Кирья» Суси был начальником штаба батальона. Весельчаку Акселю Антиле, участнику кимас-озерского рейда, еще только предстояло через несколько лет стать командиром одной из интербригад на испанской земле. Директор леспромхоза в Ухте товарищ Матеро оказался коммунистом Коскиненом — одним из организаторов и руководителей восстания финских лесорубов на севере Суоми, проходившего под лозунгом «Руки прочь от Советской России».

На скалистых берегах лесного озера Куйто — недалеко от Полярного круга, в Ухте, — раскинулись избы и пашни сельскохозяйственной коммуны «Сыны Севера». Рядовые члены коммуны почти все были участниками этого мало кому известного у нас тогда восстания.

Никогда не забыть тех темных вечеров, когда, собравшись вокруг очага в большом, просторном бревенчатом доме на берегу стывшего озера, лесорубы, члены коммуны «Сыны Севера», неторопливо попыхивая трубками-носогрейками, рассказывали о своей жизни, о гражданской войне в Суоми и о суровых днях восстания.

Мог ли я, вернувшись домой, в Ленинград, не написать о том, что так переполняло меня! Все здесь волновало — и самый воинский подвиг, и то внутреннее убеждение героев, которое было побудительной силой его, и необычная романтическая обстановка, в которой он совершался. Я заполнил не один десяток тетрадей рассказами участников рейда, изучал в архивах штаба РККА материалы Карельского фронта, но повесть «Падение Кимас-озера» писал, как говорится, залпом.

Еще перед поездкой в Карелию я начал писать книгу очерков о заводской молодежи — «Ребята с тракторного». В те годы наша литературная критика считала тему гражданской войны уже исчерпанной. И когда я говорил друзьям о том, что работаю над двумя книгами — о гражданской войне и о тракторном заводе, — они, искренне желая мне добра, советовали оставить первую и сосредоточиться на второй.

С волнением отнес я первую свою повесть в редакцию «Звезды». Дело было в субботу.

— Загляни через неделю, — сказал Николай Тихонов, тогдашний редактор журнала.

Но на другой день, в воскресенье вечером, он позвонил и сказал, что рукопись идет в ближайшем номере «Звезды».

В феврале 1933 года «Падение Кимас-озера» вышло отдельным изданием в серии, приуроченной к пятнадцатилетнему юбилею Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

И теперь, спустя четверть века, когда повесть разошлась уже больше чем в миллионе экземпляров, эта густо набранная, стандартно изданная, «слепая», без единого рисунка книга дороже моему сердцу, чем другие, отлично иллюстрированные.

Повесть нашла читателя, а герой разыскал автора.

Как-то в сумерки раздался звонок. Я открыл дверь. На площадке стоял незнакомый человек. Это был Тойво Антикайнен. Так состоялось наше первое знакомство.

— Я прочитал повесть о нашем лыжном рейде, — сказал Антикайнен.

Повесть ему понравилась, но он считал нужным внести кое-какие уточнения. Собственно, для этого-то он и разыскал меня, перед тем как снова отправиться в Суоми.

— Моя речь в Барыш-наволоке, над братской могилой, была совсем иной, чем у вас, — говорил Антикайнен.

Конечно же, он помнил свою речь лучше, чем те, кто мне о ней рассказывал. Антикайнен также опасался, что у читателя может создаться впечатление, будто всю кампанию выиграл только его батальон, так как в повести речь идет об одном отряде лыжников и нет картины всего фронта. Я считал, что лыжный рейд сыграл действительно исключительно важную роль в ускорении развязки. К тому же повествование ведется от имени рядового участника рейда, и художественная цельность образа была бы нарушена, если бы этот лыжник знал все, что творится на тысячеверстном фронте.

— Хорошо, если бы сами написали предисловие к повести и в нем все объяснили, — предложил я.

Антикайнен согласился и обещал улучшить для этого время.

Через несколько дней мне удалось получить от него текст речи над братской могилой. Яркая, вдохновенная, она, конечно, не походила на те общие слова, которые были в журнальном тексте.

Теперь в описании похорон курсантов, погибших при взятии Барыш-наволока, слова Антикайнена подлинны:

«Ровно четыре года назад, 17 января, на башне Рабочего дома в Хельсинки зажегся красный огонь — сигнал восстания. Неугасимо горит он в наших сердцах. Мы обещаем вам, товарищи, оставляемые здесь как дозор, что каждый из нас отдаст свою жизнь за победу трудящихся не дешевле, чем вы отдали свою!»

Эти слова — не только лейтмотив повести, они стали запевом и следующих моих повестей и романов. Зажженный на башне Рабочего дома в Хельсинки красный огонь — сигнал восстания — объединил героев книг: «Мы вернемся, Суоми!», «Третий поезд», «Клятва».

Предисловие же к «Падению Кимас-озера» Антикайнен «улучил» время написать лишь через восемь лет.

* * *

...Из зарубежных переводов книги «Падение Кимас-озера» мне всего дороже стокгольмское издание. Оно было предпринято Международным комитетом защиты Антикайнена, проводившим в Стокгольме общественный судебный процесс, на котором разбирались все доводы обвинения, доказывалась вздорность и тенденциозность судилища в Хельсинки.

Секретарь подпольного ЦК финской компартии, преследуемой властями, Антикайнен, выданный полиции предателем, 6 ноября 1934 года был арестован в окрестностях Хельсинки. Преданный суду, он вел себя на процессе героически. В скандинавской прессе его иначе и не называли, как «северный Димитров». Само место судилища — тюремная церковь — было выбрано так, чтобы туда с воли никто не мог проникнуть... Но голос Антикайнена громко прозвучал, пробившись через тюремные и церковные своды.

Прокурор требовал для него смертной казни, которой в мирное время в Финляндии нет. Это требование и героическое поведение подсудимого послужили толчком к народному движению. Под петицией против законопроекта о введении смертной казни в кратчайший срок свыше ста тысяч человек поставили свои подписи, и среди них были и известные всей стране имена.

Международный комитет защиты Антикайнена провел в Стокгольме, с участием выдающихся юристов, параллельный хельсинкскому общественный судебный процесс, на котором разбирали все доводы обвинения, показывали их вздорность, разоблачали тенденциозность подтасовки судилища в Хельсинки...

И все же судопроизводство на этот раз снова показало свое отличие от правосудия, приговорив пролетарского революционера за те действия, которых он и не совершал, к двадцати годам каторга.

— Хотя сидел я в одиночке, — рассказывал мне об этом времени Антикайнен, — но фактически моей особе уделяли обычно «пять комнат». Четыре камеры — справа и слева, сверху и снизу — оставалась свободными, для того чтобы лишить меня какой-либо возможности связаться с заключенными.

В своей речи на суде Антикайнен между прочим сказал: «Этот судебный процесс показал также то, что кимас-озерская операция — разгром штаба белых, уничтожение их складов боепитания, прорыв фронта, — которая полностью подавила боеспособность белых, имела, оказывается, гораздо более решающее значение в ликвидации всей интервенционистской авантюры, чем я до сих пор предполагал».

Этими словами Антикайнен, о которых я узнал много лет спустя, как бы снимался сделанный им при нашей встрече упрек в адрес повести.

Тойво Антикайнен был приговорен судом финской реакции к двадцати годам одиночного заключения. Однако в 1940 году, весной, по условиям мирного договора с Финляндией, его освободили и передали в Советский Союз.

Карельский народ избрал его депутатом в Верховный Совет СССР. Он сразу окунулся с головой в работу, но все же урвал время... для предисловия. Верстка «Падения Кимас-озера» с большим предисловием Антикайнена, в котором обосновывалась тактика боевых действий на лыжах, была подписана в печать 25 апреля 1941 года, а книга вышла в свет уже в первые дни Великой Отечественной войны.

* * *

Когда в 1933 году вышло первое издание «Падения Кимас-озера», один экземпляр книги я отдал литературоведу Илье Груздеву, готовившему очередную книжную посылку Горькому в Италию. И вот я вскрываю конверт с почтовым штемпелем «Сорренто». Написано от руки. Почерк — не ошибься. Подпись: А. Пешков.

Алексей Максимович одобрял мою книгу.

В обстановке, когда «обстоятельства угрожали дракой», меня особенно волновала тема братской международной солидарности трудящихся. И я стал работать над романом «Мы вернемся, Суоми!».

Восстание лесорубов в северной Финляндии зимой 1922 года — разве не было своеобразным, романтическим и в то же время исторически точным раскрытием этой идеи?

Когда за несколько лет до Великой Отечественной войны по измятой походной карте Суси я изучал места, где проходил лыжный батальон, театре военных действий в 1918–1919 и 1921–1922 годах, то никак не думал, что минует не так уж много времени и я сам стану участником войны в этих же самых местах, что из истории этот «театр военных действий» превратится в обжигающую огнем современность и на несколько лет станет моим каждодневным бытом.

С первого дня Отечественной войны я был в частях действовавшей в Карелии Седьмой отдельной армии, а затем в красноармейской газете Карельского фронта «В бой за Родину».

В тяжелые дни осени сорок первого года и произошла моя последняя встреча с Антикайненом. Наши войска оставляли Петрозаводск. Утром Антикайнен уезжал в Архангельск, чтобы лететь оттуда в Москву. Мы сидели в деревянном доме, глядевшим окнами на стынущую гладь Онежского озера, в опустевшем Петрозаводске.

За годы каторги в Суоми Антикайнен облысел. Под утомленными глазами — мешки. Но тюрьма не могла сломить его духа. Мы тогда отступали.

Но ни одной секунды он не сомневался в конечной нашей победе.

Я записал тогда его ободряющие слова к бойцам Карельского фронта.

На другой день было обнародовано в газете «Во славу Родины» это обращение Антикайнена. А через несколько дней сердце мое сжалось от вестей, что на аэродроме в Архангельске при взлете самолет «скапотировал» и при катастрофе погиб Тойво Антикайнен.

* * *

На западных фронтах еще шли тяжелые бои, наши части только подходили к границам Германии, а Финляндия уже подписала соглашение о перемирии.

В ее истории наступила новая эра — добрососедских отношений с Советским Союзом.

Зимой пятьдесят восьмого года в Суоми, где я провел несколько месяцев, в селе Иотсиярви, у Полярного круга, я разыскал одного из участников восстания лесорубов — старика Пекка Эмея, судьба которого была для меня прообразом судеб персонажей «Мы вернемся, Суоми!» — Сара и Унха. Узнав, что я приехал из Советской России и меня интересуют подробности восстания, он взволновался. Воодушевленный воспоминаниями, старый лесоруб с гордостью и волнением рассказывал о славных днях зимы двадцать второго года.

Слушая его, я вспоминал, как четверть века назад в Ухте собирал материал для романа «Мы вернемся, Суоми!», записывая рассказы его друзей — лесорубов, возчиков, сплавщиков — участников восстания.

Вся тяжелая жизнь этих людей вставала в его рассказах. Блуждание по узким, извилистым лесным дорогам в поисках работы с топором и лучковой пилой за плечами, тесные полутемные лесные бараки, освещенные тусклым светом коптилок.

Это было зимой. А летом снова я встретился с Матти Янхуненом, человеком, который долгое время находился в каторжной тюрьме в Хельсинки, в одной камере с Тойво Антикайненом.

Многое рассказал он о жизни Тойво Антикайнена. Все, что узнал я о нем, лишь подкрепляло, дополняло уже сложившийся в сознании образ бесстрашного рыцаря революции Тойска, как называли Антикайнена друзья.

Многое узнал я и о самом Матти Янхунене (тогдашнем редакторе финского журнала «Коммунисти»), о самоотверженной деятельности его друзей в подполье, в тюрьмах и в теперешнем бурном развороте жизни — борьбе за всеобщий мир и дружбу.

Как же Янхунен попал в одну камеру с Антикайненом?

* * *

Матти Янхунен проводил очередной отпуск в своем домике на берегу небольшого лесного озера в девяноста километрах от столицы. Хотя домик Янхунена и построен вдалеке от дороги, ориентируясь по отлично начерченной схеме, мы разыскали его без расспросов.

Летний день, бесконечный на Севере, в беседе, в рассказах, воспоминаниях на скамеечке на берегу озера пролетел незаметно.

Передо мной прошла жизнь Матти Янхунена, судьбы его друзей по партии, по подполью, тюрьмам, история его верной спутницы — жены.

Многое переговорили мы об Антикайнене.

Даже на испанской земле, в финской роте интербригады, двум самым «заслуженным в боях» станковым пулеметам даны были имена томившихся в тюрьмах Суоми революционеров. Один назывался «Тойска», другой, в честь известной финской коммунистки Хертты Куусинен, — «Хертта».

— Вам известно, — спросил меня Янхунен, — что уже осужденный, находясь в одиночке, Антикайнен пытался возбудить судебный процесс против охранки?

Чтобы узнать, как сообщается Антикайнен с друзьями, с волей, охранка подслала своего агента. Он был назначен тюремным надзирателем в том коридоре, куда выходила и камера Антикайнена. Надзиратель втерся в доверие к некоторым заключенным. Стал передавать их записки Антикайнену и его записки товарищам.

Однажды я получил записку, которую якобы Тойска адресовал мне. В ней говорилось о том, что надо усилить связь с волей, о том, чтобы я немедленно организовал побег, что, мол, есть об этом предписание партии и оружие.

Это настолько противоречило правилам конспирации, что Янхунен сразу понял, перед ним фальшивка, — и совсем прекратил переписку с Антикайненом.

Через несколько дней я снова получил записку, тоже будто написанную его рукой, с упреками, что не выполняю его заданий. Я ничего не ответил и на эту записку. Нетерпение надзирателя было так велико, что еще через ночь он сам пришел ко мне в камеру и сказал, что он писал записку по просьбе Антикайнена, что он может организовать побег, достанет оружие. И даже, мол, у него подготовлен на этот случай аэроплан.

Янхунен понял, что кое-где готовится сообщение: «Убит при попытке к бегству».

Но ничем нельзя было выдать того, что Янхунен раскусил, с кем он имеет дело. Предупредили об этом Антикайнена.

И тогда Антикайнен обратился в суд с жалобой на то, что ему и в тюрьме не дают спокойно отбыть срок заключения. Однако судебный канцлер ответил, что нет основания для судебного разбирательства.

Потрясенная тем, что прокурор требует смертной казни для ее сына, в эти дни умерла мать Антикайнена.

«Мать сегодня несут в могилу, — писал из тюремной камеры родным и товарищам Антикайнен. — Закат ее жизни мог бы быть радостнее...

Положите на гроб от меня красные цветы и заявите, что моя мать была воодушевлена тем же духом и теми же идеалами, что и я. Я знаю, что она одобряла мою жизнь и мой путь борьбы за дело трудящегося народа, за дело, за которое я теперь сижу в этой тюрьме».

Рабочие потянулись к гробу матери Антикайнена. Похороны превратились в массовую демонстрацию протеста трудящихся против судебной комедии, в защиту своего самоотверженного любимого вожака.

— Антикайнен, как вам известно, был человек с железными нервами, — рассказывал Янхунен. — Опасная работа в подполье держала его в постоянном напряжении. Гигантский труд по организации защиты на один разбивать «показания» шестидесяти девяти лжесвидетелей, документированно отвечая на каждое замечание прокурора, и сам вести наступление, разоблачая политическую подоплеку процесса.

Все это требовало большого нервного напряжения... И мы боялись, что после этого напряжения долгое одиночное заключение может расшатать нервную систему Тойска.

Желая облегчить его участь, политические заключенные потребовали от администрации тюрьмы, чтобы в камеру Антикайнен поместили второго товарища. Это требование встречало отказ за отказом.

И лишь после голодовки дирекция тюрьмы согласилась удовлетворить это требование, но выдвинула «встречное условие», на которое, как она думала, никто из заключенных не пойдет. Тот, кто захочет разделить одиночество Антикайнена, должен добровольно подчиниться и штрафному режиму, который применяется к нему.

Мы могли к казенному пайку прикупать в тюремной лавочке чай, сахар, кофе и еще кое-какую снедь, могли писать и получать письма, имели право свидания. А это не так уж мало!

И всего этого человек лишался, переходя в камеру Антикайнена. Но тюремщики просчитались. Желавших разделить штрафной режим с Тойска нашлось немало.

— Первые двое суток день и ночь мы не спали, разговаривали, — вспоминает Янхунен. — Ведь за это время Антикайнен не имел никакой связи с миром.

Янхунен рассказывает мне, как они в камере с семи утра (побудка — в пять тридцать) до шести вечера шили рубашки для солдат и в это время составляли план, вернее, мечтали о том, что будут делать на воле.

Занимаясь шитьем, они «обговаривали» — составляли лекции для нелегальной тюремной политической заключенных (потом были вовлечены и остальные шестьдесят).

В «свободное время», с шести тридцати до девяти вечера, когда выключается свет, надо было занести на бумагу, записать то, что «обговорено» днем. Так за несколько месяцев составил курс из десяти лекции. Но передать каждую лекцию другим узникам было нелегко. Ведь на прогулку Антикайнена с его товарищем по камере водили вдвоем, под надзором двух же сторожей. В это время на круглом тюремном дворе никого не было.

Полученную каждый раз иным способом лекцию один, а затем другой, третий товарищ заучивал чуть ли не наизусть и потом во время общей прогулки («гуляли» парами по кругу) рассказывал содержание лекции соседу.

Так как прогулка была общая, то нетрудно было каждый раз менять соседа в паре.

Так постепенно осваивала курс вся школа.

— Кое-какие лекции, кажется, сохранились, — улыбается Янхунен...

* * *

Хозяйка затопила баню. После того как мы попаримся на полке окунемся в озере, нас ожидает обед.

— Пока согреется баня, — говорит гостеприимный хозяин, — давайте съездим к Лёнроту.

Оказывается, совсем недалеко отсюда, километрах в пяти-шести, находится Пайккари-торппа — домик сельского портняжки, отца Лёнрота. Этой ветхой избушке больше чем полтора-два года. Бедная, с подслеповатыми окошками горница. Длинные скамьи вдоль стен. Между родительской кроватью, покрытой лоскутным одеялом, и деревянной колыбелью — прятка с круглым колесом и куделькой на веретене.

Я подхожу к колыбели, тихонько трогаю ее, и она покачивается, колыбель, колышавшая маленького Элиаса, открывшего глаза под этим потемневшим дощатым потолком. К потолку прилажен шест, на котором висели плоские ржаные лепешки — некки-лейпа. Вот одна из них.

Словно сохранилась с тех пор. Старый безмен на стене, а над окном, почти под самым потолком, полочка, куда сельский портной складывал иглы, ножницы — весь свой нехитрый инструмент, — чтобы не могли достать дети.

А рядом, в комнатуске-каморке, на стене висит потертый матерчатый цилиндр — неотъемлемая принадлежность костюма лекаря тех времен; здесь

же походная чернильница, гусиное перо, песочница — письменные принадлежности, те, которыми по преданию, записывались руны «Калевалы». Этот домик финский народ так же бережно хранит, как карельские лесорубы оберегают сосну на берегу озера Куйто, под которой Лёнрот записывал бессмертные руны.

Мы выходим из домика. Нас охватывает жаркий воздух июльского дня, напоенный запахами сосновой смолы и свежего сена. Голубеет озеро. А перед нами, шагах в двадцати от торппа, на выглаженном веками валуне, спиной к озеру, лицом к отцовской хижине, на бронзовом пне, в высоких болотных бронзовых сапогах, в длиннополом мятом сюртуке, в небрежно повязанном галстуке, сидит бронзовый человек с лицом лесоруба — Элиас Лёнрот. Прекрасный памятник.

Много хороших, оригинальных памятников поставлено в Суоми — и Лёнроту, и сказителям, и героям их рун, — но одного еще нет.

— Он будет поставлен, я убежден в этом, — говорит Матти Янхунен, — памятник замечательному сыну финского народа Тойска, дела которого достойны быть воспетыми в рунах, равных по силе рунам «Калевалы».

И помолчав, спрашивает:

— Не знаешь, где он погребен?

— На кладбище, на Кек-острове, в Архангельске. Алиса Суси, вдова одного из участников похода на Кимас-озеро, ныне воспитательница медвежьегогорской школы-интерната, рассказывала, как она с делегацией отряда пионеров имени Тойво Антикайнена приезжала на Кек-остров и пионеры возложили венок на могилу героя.

— А не пришло ли время перевезти прах Тойска в его родной город, в Хельсинки, в Мальми? — не то спрашивает, не то вслух думает Матти Янхунен.

На окраине столицы, в Мальми, — братские могилы красногвардейцев, павших в 1919 году. Туда перенесен прах тех, кто, спасая честь своего народа, боролся против участия Суоми в войне на стороне гитлеровцев и был за это расстрелян.

Сюда недавно перевезен из Москвы прах друга, соратника и во многом учителя Антикайнена — Юрьё Сирола. На могиле Сирола нет еще надгробного камня, один лишь невысокий куст красных роз.

Кладбище Мальме для трудящихся Хельсинки сейчас то же, что для французов Пер-Лашез с его прославленной Стеной коммунаров.

Мы возвращаемся по лесной дороге к Ситойнярви, к дому Матти Янхунена.

Сосны своими разлапыми ветвями бьют по крыше, задевают окна нашей машины. И я рассказываю Янхунену о своих встречах с Антикайненом, о

том, что участник рейда Интернациональной военной школы товарищ Лахти командовал партизанским отрядом в годы Отечественной войны, о том, что сейчас в поющих под сосной Лёнрота рунах карельских сказителей имя Антикайнена часто звучит рядом с именами Илмаринена, Вяйнямёнена, бившихся за счастье народа, за Сампо.

(Геннадий Фиш: *Избранные произведения в двух томах, том I*. Москва 1976)